

Опыт открытия миру

Подъем Турции как центра экономического влияния

Ибрагим ОЗТЮРК,
профессор
экономики
в университете
Мармара
(Стамбул)

Первый этап глобализации, пришедшийся на конец 80-х – начало 90-х годов XX века, ознаменовал решительное утверждение неолиберальной парадигмы в экономической теории и экономической политике сначала США, а затем и Великобритании. После краха идеи централизованного планирования в экономике неолиберализм достиг беспрецедентной силы. Это дало многим основания утверждать, что американский капитализм доказал свое превосходство и победу над другими альтернативами, в связи с чем централизованному планированию положен конец.

В таких обстоятельствах окончание холодной войны вызвало чрезвычайное давление на страны с централизованной экономикой, толкающее их к переходу на рыночную модель. Вместе с тем перегибы и издержки первого этапа глобализации (в частности, так называемый Вашингтонский консенсус), привели к многочисленным негативным последствиям во всем мире. Например, переходный процесс проходил в довольно сжатый отрезок времени и имел совершенно незапланированный и неуправляемый характер. В дополнение к кризису середины 1990-х в России произошло много экономических кризисов в других пери-

ферийных странах, например, азиатский, турецкий и кризисы в некоторых странах Латинской Америки.

Представители конформистского крыла, доминировавшие в экономическом сообществе, не желали признавать глобализацию виновницей этих последовательных неудач. Кризис приписывался установлению в упомянутых странах кланового (кумовского) капитализма, чрезмерному регулированию, созданию преград для рыночных механизмов, которые не позволяли им свободно функционировать, и т.д. Основываясь на этих аргументах, набирающая силу неолиберальная модель предложила еще большее дерегулирование и доверие рыночным механизмам, даже чрезмерное. Вскоре это породило вторую волну глобализации, которая охватила период с 2000 года вплоть до начала последнего мирового экономического кризиса, зародившегося в секторе ипотечных кредитов в Соединенных Штатах.

В последние два десятилетия мировой финансовая система еще больше срослась с глобальной экономикой. Как говорит председатель Федеральной резервной системы США Бен Бернанке, «непосредственной причиной кризиса стало изменение цикла деловой активности на рынке жилой недвижимости в США и связанное с ним повышение неплатежеспособности по ипотечным кредитам, которые привели к существенным потерям многих финансовых институтов и поколебали доверие инвесторов к кредитным рынкам» [1].

ОБ АВТОРЕ

ОЗТЮРК Ибрагим.

Родился в 1969 году в г. Трабзоне. Окончил в 1992 году экономический факультет университета Богазичи, в 1994-м – магистратуру в университете Мармара (Стамбул) по экономике (на английском языке), в 1995 году – магистратуру в университете Богазичи по специальности «история». С 1993 года преподает в университете Мармара на факультете экономики (на английском языке), а также в университете Богазичи в Центре азиатских исследований. В 1997–1998 годах проводил докторские исследования в Токио. В 2003 году – приглашенный лектор в Токийском университете. В 2005 году работал в Институте развивающихся стран при Подсекретариате внешней торговли Японии в качестве исследователя. В настоящее время также работает экономическим советником Союза независимых промышленников и бизнесменов (MÜSİAD) и экономическим консультантом Собрания экспортеров Турции (TİM).

Доктор наук (1999), доцент (2005), профессор (2010). Сфера интересов: экономика развития; экономики Турции, Китая, Японии. Постоянно публикует статьи на экономическую тематику в газете Today's Zaman.

Кризис привел к ряду очевидных негативных последствий. Например, некоторые прямые и косвенные вмешательства, такие как пакеты антикризисных мер, национализация и прямые вливания денег в рынки для сдерживания отрицательных последствий кризиса и, следовательно, предотвращения свободного падения цен, возможно, посеяли семена других потенциальных кризисов в не слишком отдаленном будущем. Среди потенциальных проблем, которые вырисовываются перед мировой экономикой, такие серьезные, как глобальная безработица, возвращение инфляционного давления и эффект вытеснения частной инвестиционной активности в результате роста потребности государственного сектора в заемных средствах.

Надо признать, что краткосрочные инструменты экономической политики смогли отодвинуть возникновение такого рода осложнений, но они не могут предложить постоянное решение для кризисов или предотвратить их возвращение. Для этого необходимы среднесрочные и долгосрочные радикальные меры, которые должны быть реализованы в рамках глобального сотрудничества в целях внедрения недостающих институциональных, а также этических элементов в корпоративный капитализм, который до сих пор основывался на принципе (модели) максимизации биржевой стоимости акций. Многие специалисты сходятся во мнении, что нынешний экономический кризис в большей степени является результатом этических, а не рыночных провалов как регулирующих органов, так и профессиональных менеджеров.

Для негуманной неолиберальной модели характерно стремление к сверхприбылям в краткосрочной перспективе. Она также привела к появлению нескольких производных моделей, вызывающих расточительное потребление. Более того, одержимость так называемыми «правами собственности» (несмотря на отсутствие четкого определения их использования) вызвала жажду власти, подорвала способность регулирования и привела к утрате здравого смысла.

В конце концов, совокупный результат этих злоупотреблений очень сильно навредил как самому человечеству, так и его ограниченными ресурсам. Некоторые побочные

эффекты, такие как глобальное потепление, утрата этических ценностей и отчуждение личности, достигли тревожного уровня. Они возросли до такой степени, что уже начали угрожать стабильному развитию, глобальному распределению и всеобщему миру.

Без сомнения, это не первый кризис капитализма, и вряд ли он будет последним, если необходимые меры не будут приняты. Вместе с тем стоит отметить два момента. Несмотря на текущий кризис и его громадные издержки, заявление о «кончине капитализма» будет, очевидно, слишком упрощенным и не вполне реалистичным. Наряду с этим важно понимать, что капитализм не

Премьер-министр Турции Р. Эрдоган поклялся сделать экономику Турции одной из самых передовых к 2023 году

является ниспосланным Богом, «непогрешимым» или отражающим естественный ход вещей, соответственно, неуместно вести речь о полном невмешательстве применительно к нему. Напротив, чтобы обеспечить надежные решения вышеупомянутых проблем, мы должны избегать шахаханья и не ударяться в крайности.

В качестве отправной точки следует отметить, что многие положения капиталистической философии в отношении рынка и индивида являются идеологическими. Следовательно, как и в любых других разработанных человеком парадигмах, истинность и реализм этих утверждений нужно признать относительными. Равно как и тот факт, что научное подтверждение многих из них, скорее всего, невозможно.

Как отмечает лауреат Нобелевской премии по экономике Амартия Сен [2], современная экономическая теория имеет ряд институциональных, а также этических недостатков. Они просто принимаются как экзогенные, то есть как данность. Более того, экономические субъекты (субъекты хозяйственной деятельности), которые живут в сложных переплетениях ценностей, отделены от своего естественного и социального окружения. Ограничивая круг своих предпочтений только «человеком экономическим» (*homo economicus*), который мотивируется практически исключительно потреблением, они делают крайне уязвимой свою позицию в онтологическом плане.

Одной из проблем централизованного планирования было отрицание им рынка в качестве основного механизма экономического регулирования. Между тем капитализм хотя и не отрицает, но также может иногда в зависимости от ситуации злоупотреблять рынком или полностью подавлять его. В этом смысле как коммунизм, так и капитализм зачастую склонны выводить игру «за рамки рынка». Если представители коммунизма действуют так исключительно из идеологических соображений, отдавая экономические взаимодействия между сотнями миллионов людей в руки сидящих в центре бюрократов во имя справедливости, равенства и труда, то «капиталисты» предполагают, что «невидимая рука рынка» решит основные экономические проблемы и, соответственно, оставит арену «крупным игрокам», которые вполне могут сохранить существующий статус-кво.

Капитализм сводит рыночную экономику к принципу дарвинизма – «выживает сильнейший», согласно которому крупная рыба поедает более мелкую. И эта точка зрения узаконивается ожиданием эффективности (полезности), рождаемой конкуренцией. Точно так же предполагается, что «человек экономический» как субъект экономической теории должен максимизировать свою полезность. В итоге вырисовывается образ гедониста, который стремится к получению наживы и потреблению, преследуя только краткосрочные цели. Таким образом, фактически отрицается способность человека к обучению и его стремление руководствоваться рациональными предпочтениями.

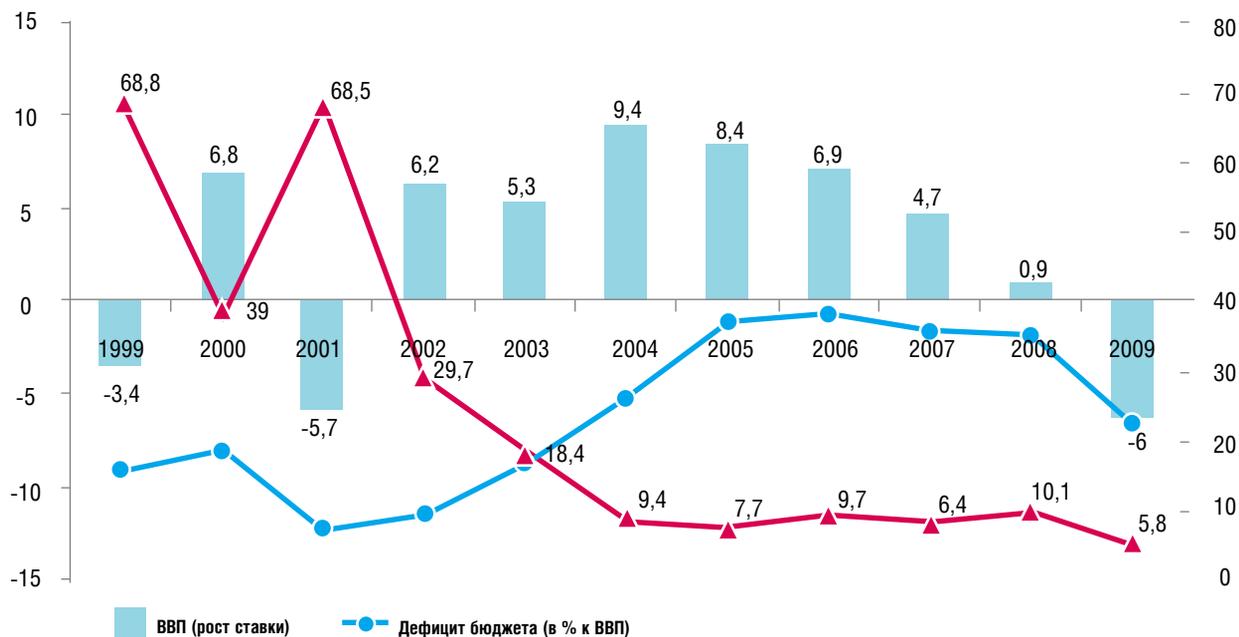
Несколько кризисов, имевших место в прошлом веке, убедительно показывают, что и безграничная конкуренция, и ее отсутствие могут иметь столь же разрушительные последствия, как и неэффективное централизованное планирование. Следовательно, для достижения стабильного развития мировая концепция и философия, лежащие в основе системы, должны быть принципиально пересмотрены.

Экономическая система отражает взаимодействие и участие индивидов, организаций и учреждений в процессе производства, потребления, обмена и распределения, который регулируется соответствующим ей сводом правил и законов. Отличные друг от друга жизнеспособные экономические системы могут существовать одновременно, что неоднократно подтверждалось в ходе истории. Разные подходы к таким вопросам, как корпоративное право и накопление капитала, обуславливали существование разнородных экономических структур и уровней развития [3].

Стремясь к достижению желаемой эффективности хозяйственной деятельности, каждая система формулирует собственное представление о человеческом поведении и, соответственно, устанавливает свои собственные институциональные и организационные механизмы. Это делает особенно важным наличие четкого институционального подхода, поскольку в процессе удовлетворения нужд/желаний и достижения своих экономических целей экономические агенты взаимодействуют не только индивидуально, но и через организации и учреждения, которые они создают. Организация, в свою очередь, формирует свою собственную структуру, формы и режимы работы. Институты олицетворяют правила игры в обществе, разработанные им ограничения, которые определяют человеческое взаимодействие. Они состоят из формальных правил (статутное право, общее право и правила/нормы), неформальных ограничений (конвенции, нормы поведения и добровольные правила/коды поведения), а также особенностей соблюдения тех и других [4; 5].

Определяя человеческое взаимодействие, институты формируют структуру экономической жизни. Это происходит

Рисунок 1. Динамика темпов роста экономики, уровня инфляции и бюджетного дефицита

Источник: составлено представителем Центрального банка; данные Министерства финансов, Казначейства

потому, что они организуют процесс принятия решений и уменьшают неопределенность; отвечают за механизм предоставления информации субъектам экономической деятельности и координации их решений, гарантируя производство и потребление надлежащего спектра товаров и услуг; определяют природу и обеспечивают использование имущественных прав теми, кто имеет право владеть и использовать; и, наконец, предоставляют материал, а также предлагают моральные стимулы для регулирования деятельности хозяйствующих субъектов. В конечном счете, облегчая процесс обмена, институты сокращают операционные издержки и увеличивают потенциальные выгоды от торговли, что, таким образом, ведет к улучшению экономических показателей [6].

Исходя из этих ожиданий, эффективные экономические институты должны отвечать, по крайней мере, трем характеристикам. Прежде всего, они обязаны гарантировать соблюдение прав собственности для широких слоев общества с тем, чтобы разные люди имели стимул для инвестирования и участия в экономической жизни.

Они также должны иметь возможность ограничивать действия элиты, политиков и других влиятельных заинтересованных групп, чтобы эти люди не могли экспроприровать чужие доходы и инвестиции или создавать неравные условия игры. Наконец, в их задачу входит обеспечение определенной степени равенства возможностей для широких слоев общества.

Периодические кризисы в Турции в 1990-е, приведшие к самому разрушительному кризису 2001 года, удалось обратить в новые возможности для Турции, так как они побудили граждан положить конец имевшемуся «клановому капитализму». По сути, в посткризисный период наша страна сумела извлечь важные для себя уроки из своей недавней истории нерационального глобального открытия (открытия миру) и плохого управления.

В дополнение к мерам по рыночному реформированию в сфере торговли и финансов, которые предпринимались с начала 1980-х, но недостаточно полно и последовательно, Турция также объявила о внедрении рыночных институтов взамен существовавших прежде. Постепенно, по

мере преодоления ошибок и наработки собственного опыта, происходило становление настоящей культуры рынка, которой ранее не позволяли развиваться в условиях изолированности страны, где государственный монополизм и протекционизм доминировали на протяжении многих десятилетий.

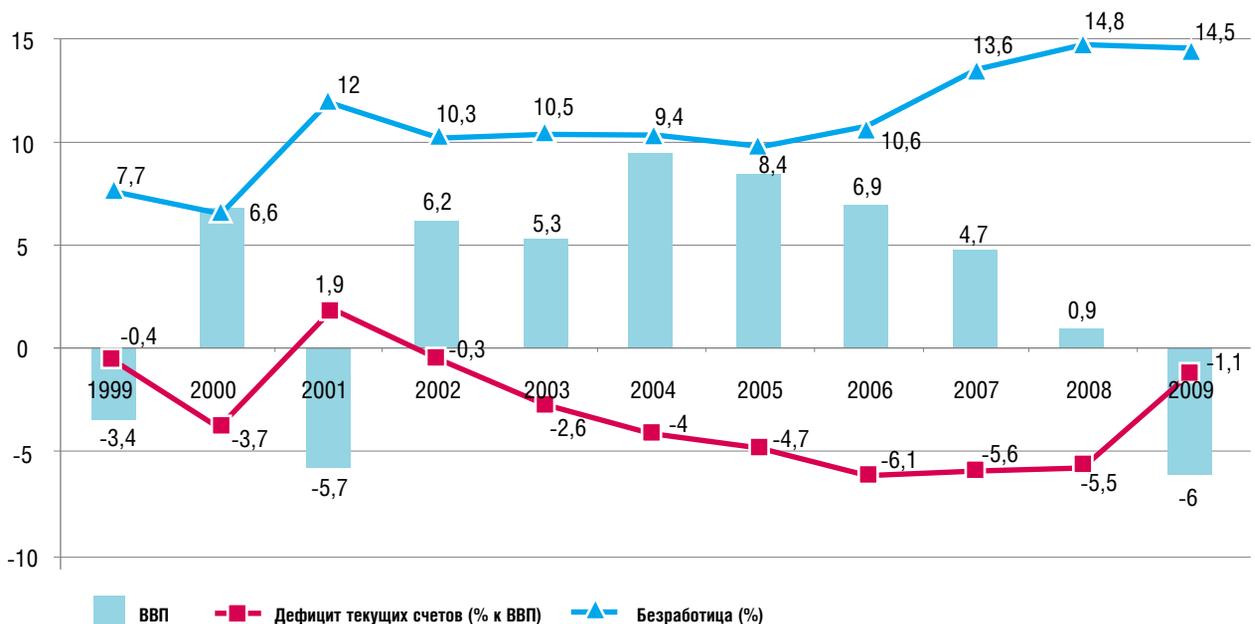
Суммируя сказанное, можно констатировать: фундаментальные реформы практически во всех секторах государственной системы; политическая стабильность, которая пришла с целенаправленным однопартийным администрированием и сильным руководством; стимулирующая глобальная среда, включая огромные фонды и расширяющиеся рынки; тесное сотрудничество Турции с глобальными институтами, такими как МВФ и Всемирный банк – все это сыграло решающую роль на пути к последовательному удовлетворению ожиданий и еще более положительным тенденциям в будущем.

В этих благоприятных условиях были предприняты важные шаги для достижения макроэкономической стабильности. Турция демонстрировала высокий и непре-

рывный рост с 2002 до конца 2008 года, когда разразился мировой экономический кризис. Реальные среднегодовые темпы роста экономики, которые составляли 3,23 % в 1991–2000 годах, выросли до 6,8 % в 2002–2007 годах (рис. 1). Это впервые в истории позволило Турции достичь реального сближения с ЕС. В дополнение к этому страна также явила образец стабильности в финансовом и государственном секторах. Наконец, Турция впервые за последние 30 с лишним лет добилась исторического успеха в обеспечении ценовой стабильности: уровень инфляции снизился в среднем с 70 % в период с 1990 по 2001 год до однозначного числа (показателя), установившегося с 2004 года.

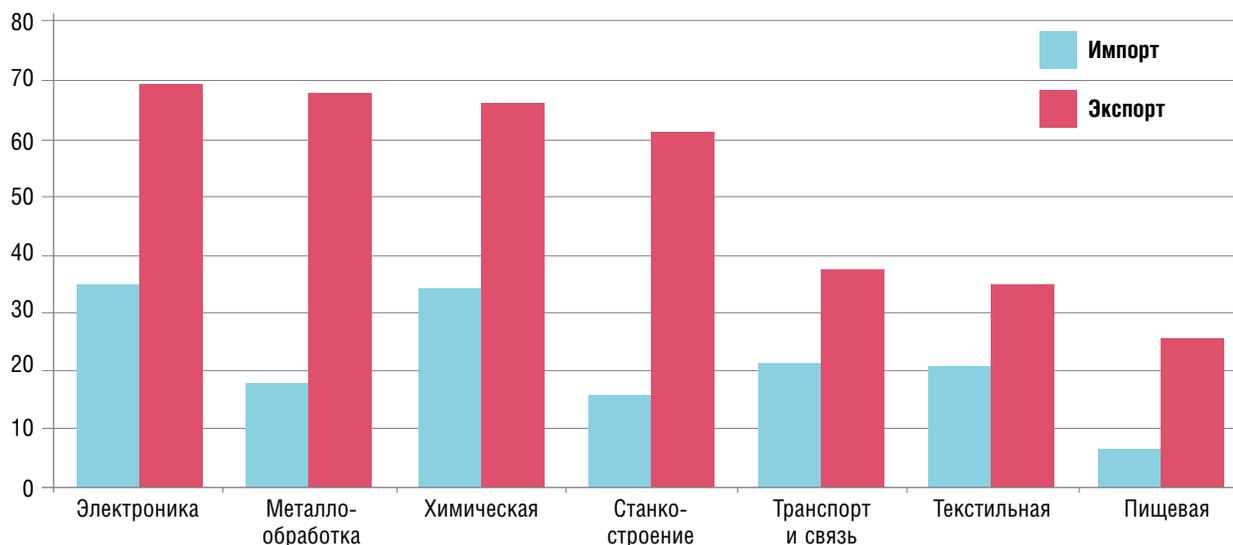
Однако без побочных эффектов также не обошлось. Последствия глобальных дисбалансов, как и внутренние структурные дисбалансы в самой Турции, привели к появлению многих проблем, увеличивших для нее общий риск. Здесь следует отметить, что в условиях глобализации небольшие и среднего размера развивающиеся страны едва ли могут удержать устойчивое равновесие без достаточной поддержки внешних

Рисунок 2. Побочные эффекты глобализации

Источник: составлено представителем Центрального банка; данные Министерства финансов, Казначейства

Рисунок 3. Соотношение экспорта и импорта в промышленности Турции

Источник: Турецкий институт статистики

факторов. Таким образом, хорошо подготовленных внутренних экономических предпосылок, которые на момент глобального открытия способны помочь извлечь выгоду из глобализации, недостаточно для того, чтобы развивающиеся страны смогли управлять всем процессом полностью самостоятельно.

В числе серьезных побочных эффектов, проявившихся в Турции наряду со значительным улучшением в сфере макроэкономической стабильности и появлением привлекательной инвестиционной среды, следует назвать дефицит внешнеторгового баланса, непрерывно углублявшийся на фоне сохранения некоторых других проблем, таких как, например, безработица (рис. 2). Другими словами, возникла экономическая модель, обеспечившая значительный рост при недостаточной занятости, в которой характерный для прошлого внутренний дефицит государственного сектора сменился внешним дефицитом частного сектора в настоящее время.

Хотя нужно отметить, что высокий уровень безработицы стал результатом природы и приоритетов данной модели, имевшей целью радикальное структурное преобразование, прежде всего аграрного сектора. Правда, в отличие от «добрых

старых» 1990-х, когда Турции удалось достичь значительного увеличения числа рабочих мест с меньшими затратами за счет широкого распространения заведомо неэффективного государственного сектора, после 2001 года из-за чрезмерного акцента на производительности, возникшего не только в Турции, но и во всем мире под давлением глобальной конкуренции, меньшее количество рабочих мест, напротив, создавалось с привлечением большего количества инвестиций. В сущности, приоритет производительности был отдан в Турции из-за иностранного господства в промышленном секторе. Транснациональные компании заложили и основы роста зависимости Турции от импорта, так как они использовали для процесса производства свою цепочку субподрядчиков, располагающихся в разных местах земного шара (рис. 3).

Несмотря на успешное устранение многих макроэкономических недостатков и увеличение доли социальных расходов в бюджете, отсутствие достаточного количества рабочих мест, высокий уровень безработицы и чрезмерный акцент на производительности привели к неравному распределению доходов в пользу рабочей силы с высоким уровнем человеческого капитала.

Иначе говоря, после достижения своих первоначальных целей в 2006 году модель «изжила» себя и, следовательно, должна быть обновлена с учетом новых тенденций. Это подтверждается существенным замедлением экономического роста, сопровождаемым увеличением внешнего дефицита, сопряженного со значительным повышением инфляции.

Изменения модели требует и ухудшение внешней среды. Например, в отличие от периода до 2006 года, когда объем притока капитала был довольно существенным, что привело к завышенному курсу турецкой лиры, в период после 2006 года произошел серьезный пересмотр операций кэрри-трейд, что на некоторое время дестабилизировало национальную валюту. Также увеличение цен, включая продукты питания и электроэнергию, снизило рост в результате повышения инфляции и дефицита текущего счета в стране, сильно зависящего от импорта практически всех видов товаров и энергоресурсов.

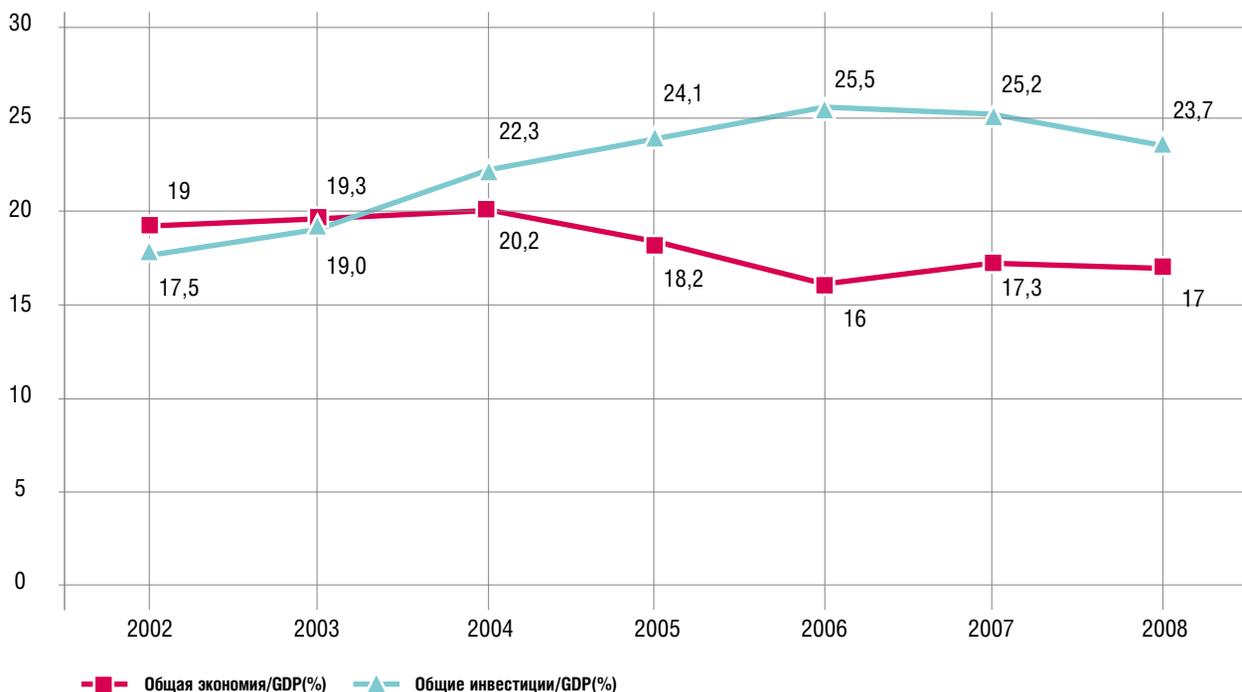
Кроме того, в условиях непрерывно ухудшающегося внешнеторгового баланса

обозначился растущий разрыв между сбережениями и инвестициями (рис. 4). Удивительно, но ни рост ВВП на душу населения, ни сравнительно более высокие реальные ставки процента не вызвали рост сбережений в Турции. Скорее наоборот, несмотря на эти положительные факторы, иностранные сбережения практически полностью заменили внутренние.

Поскольку Турция не справлялась с финансированием своей растущей инвестиционной активности, она, естественно, надеялась на внешние источники финансирования. Однако для того, чтобы эффективно контролировать свою увеличивающуюся уязвимость, связанную с дефицитом счета текущих операций и, следовательно, краткосрочными внешними задолженностями, Турция продолжает накапливать значительные национальные резервы (на уровне от 10 до 15 % от ВВП) в качестве страхования риска внезапного оттока капитала.

В процессе глобальной интеграции увеличение иностранного влияния на экономику и, в частности, на финансовый сектор

Рисунок 4. Тенденции в сфере сбережений и инвестиций (2002–2008)

Источник: Организация государственного планирования (SPO).

создало в обществе ощущение «отчуждения». Тот факт, что иностранный капитал не был направлен на инвестирование в новые неосвоенные площадки (сферы) и, как следствие, не привел ни к обеспечению достаточной занятости и росту доходов, ни к притоку ожидаемого объема иностранной валюты за счет экспорта, заставил многих задаться вопросом о пользе иностранного капитала для развития Турции. Кроме этого, приватизация государственных предприятий, слияние их с иностранными и приобретение компаний иностранцами, значит, и увеличение перевода прибылей из Турции также вызывают серьезную озабоченность.

Наконец, некоторые другие побочные эффекты были связаны с ухудшением внутривластного климата, которое выражалось в сопротивлении со стороны обладателей статус-кво попыткам установления достойной конкуренции и создания возможностей карьерного роста в свободной, справедливой и прозрачной среде. Это сопротивление помешало реализации крупных реформ второго поколения и, следовательно, существующие риски для Турции значительно возросли.

Хотя Турция попыталась выработать новую политику для исправления обозначившихся проблем, кризис 2008 года тяжело отразился на ее экономике. Это привело к тому, что первоочередные вопросы, стоящие на повестке дня, еще более усложнились, а затраты, необходимые для их решения, возросли.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что из-за ошибок неолиберальной идеологии мы переживаем один из самых серьезных кризисов глобального капитализма. Однако при рациональном подходе и способности учиться на прошлом опыте он может превратиться в ценную возможность. В сущности, несмотря на огромные издержки для стран, нынешний кризис дает нам уникальный шанс осознать основные недостатки в организации хозяйственной деятельности с точки зрения производства, размещения и распределения. Эти уроки очень пригодятся при встрече со следующей волной глобализации. Вместе с тем как с интеллектуальной, так и философской точек зрения очевидно, что существуют гораздо

более привлекательные альтернативы неолиберальной глобализации. В связи с этим возможно установление более коллективного, более прозрачного, более гуманного, более щадящего для окружающей среды и ресурсов мирового экономического порядка.

В статье мы рассмотрели пример глобализации в Турции, ее основные достижения, а также неудачи. Турецкая ситуация отражает несколько типичных моментов в ходе глобализации, и в силу этого сделанные из нее выводы вполне могут претендовать на универсальность.

Практически они сводятся к двум основным положениям: во-первых, небольшие и средние по размеру страны с нестабильными экономическими и финансовыми системами должны открываться постепенно, сформировав механизмы контроля и отбора. Другими словами, глобализация не является моделью «все включено» в том смысле, что мы можем делать свой выбор в процессе принятия решений или решать, что позволить, а что не допустить. Во-вторых, для сохранения и усвоения преимуществ глобализации, которыми мы воспользовались, когда внешние факторы были благоприятными, мы должны продолжать реформы, изменения и освоение новых перспектив. При этом глобализация, определенно, наказывает тех, кто открывается миру в надежде автоматически решить таким образом проблему внутреннего дисбаланса, то есть распахивает двери, не будучи готовым к этому. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Bernanke, B.S. The Crisis and the Policy Response / B.S. Bernanke // Speech at the Stamp Lecture, London School of Economics, January 13, 2009.
2. Sen, A. Adam Smith's market never stood alone, Future of Capitalism / A. Sen // A Financial Times (Special Supplement). – 2009. – May 12.
3. Kuran, T. The Islamic Commercial Crisis: Institutional Roots of Economic Underdevelopment in the Middle East / T. Kuran // The Journal of Economic History. – June 2003. – № 63. – Pp. 414–446.
4. North, D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D.C. North. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
5. North, D.C. The New Institutional Economics and Development / D.C. North // Washington University in St. Louis, 1992.
6. Hodgson, G.M. What are Institutions? / G.M. Hodgson // Journal of Economic Issues. – March. – 2006. – Vol. 40.